

АКСИОЛОГИЯ МАРГИНАЛЬНОСТИ И МАРГИНАЛЬНЫЕ ДИСКУРСЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НАЧАЛА XXI ВЕКА

(Axiología de la marginalidad y los discursos marginales de
la literatura rusa de principios del s. XXI)

Владимир А. Сулимов, Ирина Е. Фадеева
Кomi государственный педагогический институт (Россия)

Vladimir A. Sulimov, Irina E. Fadeeva
Instituto Pedagógico Estatal de Komi (Rusia)

ISSN: 1698-322X

Cuadernos de Rusística Española, 4 (2008), 101-113.

RESUMEN

En el artículo se analizan los rasgos socioculturales y cognitivos de la literatura rusa moderna marginal; se presta especial atención a la modelación cognitiva y lingüísticocultural del texto literario, que contiene los rasgos marginales diferentes; se proponen métodos argumentados para la clasificación de los textos de la literatura marginal. Se interpreta el fenómeno de la marginalidad cultural y se descubren las raíces antropológicas de este fenómeno.

Palabras clave: marginalidad, axiología, texto literario, modelación cognitiva,

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются социокультурные и когнитивные черты современной русской маргинальной литературы. Особое внимание уделяется когнитивному и лингвокультурологическому моделированию литературного текста, в различной степени несущего в себе маргинальные черты. Предлагаются обоснованные подходы к описанию и классификации текстов маргинальной литературы.

Ключевые слова: маргинализм, аксиология, литературный текст, сознание, когнитивное моделирование.

Состояние переходности, которое переживает российское общество, все чаще дает основания социологам, политологам, экономистам говорить о перманентной маргинализации различных слоев населения, о кризисном состоянии сознания, о парадоксах социализации и других процессах, с разной степенью очевидности протекающих в российской постсовременности. Культурно-эпистемологическая ситуация постмодерна, наиболее отчетливо представленная в художественной сфере как разрушение сложившихся форм и стилей, на российской почве оказалась парадоксально встроенной в парадигму тотальной деструкции ментальных и ценностных моделей, что, собственно, и определило тотальность маргинализации на всех уровнях социальной жизни.

Между тем, говоря о маргинальности как об экономическом, социальном, этническом явлении, следует особенно выделить ее культурно-антропологические основания, не только релевантные социальным или профессиональным статусам и стратификациям, но вскрывающие ее сущностные характеристики. Такой аспект проблемы маргинальности лишь по видимости повторяет известное определение Р. Парка, который легитимировал это понятие для определения культурно-этнического состояния иммигрантов, поскольку позволяет рассматривать скрытые уровни человеческого сознания и, как следствие, обладает прогностическими и эвристическими возможностями. На наш взгляд, могут быть выделены три исследовательские стратегии, не просто коррелирующие друг с другом, но и активно взаимодействующие: культурный маргинализм может быть рассмотрен с точки зрения его аксиологии, его когнитивных характеристик и его коммуникативных возможностей.

Ключевым моментом здесь является аксиология, а именно, позиционирование фигуры Другого как наиболее точно маркирующей характерный для ситуации «пост-» отказ от идеи монологического разума. Увязывая в единое проблемное поле экзистенциальное и социальное, аксиологическое и смысловое, позиционирование Другого дает возможность увидеть социальные или текстовые проекции маргинализма как обусловленные самой природой человеческого существования (и лишь «подогреваемые» той или иной социальной ситуацией).

Другая плоскость, дающая возможность тематизировать антропологические корни маргинальности, – обширное поле, сформированное в европейской культурной традиции в качестве аналитики и философии свободы. Двойственность и антиномизм свободы, в отвлечении от собственно социальных или даже индивидуально-личностных ее проекций, предстали как проблема антропо- и теодицеи, например, уже в творчестве Ф.М. Достоевского, предвосхитившего, как известно, многие экзистенциальные и метафизические пути и проселки XX и XXI века. Однако, если для Достоевского аналитика свободы предстала еще в трагически «высоком» варианте онтологической ответственности обоженного – или обезбоженного – человека, и экзистенциальная «скука» находила выход в метафизике любви и смирения, то социокультурная ситуация «пост-» создала иные парадоксы и новые антиномии. Кризис монологического разума обернулся не просто раскрепощением человеческой личности, но и засильем массовой культуры, создающей и потребляющей «симулякры», реализуя тем самым тенденцию к унификации человеческой личности. «Раскрепощенный автономный человек» (Хьюбнер 2000:10), человек общества потребления, поставленный лицом к лицу перед необходимостью реализовать свою свободу, оказался перед дилеммой. С одной стороны, «человек может проецировать в будущее цель, находящуюся вне его Я, двигаться к этой цели и тратить избыток своей энергии и излишнее время на ее достижение». С другой – «ему придется нацелить свою избыточную энергию и время на собственное Я, приводя себя в движение для того, чтобы в будущем освободиться от своего Я. Ему необходимо расходовать себя либо в Другом, либо как-то иначе» (Хьюбнер 2000: 11). Определив стратегию жизнеповедения, нацеленную на собственное Я, как модель поведения «де-проецированного», «эстетического» человека, Б. Хьюбнер тем самым дал основания для определения существа проблемы маргинальности в свете феноменологии отсутствия Другого – в ситуации свободы, предоставляемой индивиду постиндустриальным обществом.

Однако, говоря о маргинализме как о некоторой социокультурной универсалии и помещая ее в исследовательские рамки социальной и культурной антропологии, следует иметь в виду не только и не столько эмпирически наблюдаемую ситуацию постмодернизма в целом или когнитивной/коммуникативной деструктивности в рамках социума (что выходит за пределы проблематики нашей статьи), но и маркирующие ее признаки. Наиболее репрезентативные из них представлены в текстах современной литературы. Во-первых, в силу особого места, которое занимала всегда и занимает сейчас русская, в частности, литература как релевантный срез русской культуры. Во-вторых – в силу особого статуса языковых моделей в онтологии человеческого сознания, механизмы функционирования которого могут быть описаны как перманентное движение – или «когнитивные трансформации» (Сулимов 2007) «Смысл» – «Текст».

Литературный текст эпохи постмодернизма характеризуется не только стилистической и аксиологической подвижностью (иногда амбивалентностью), но и когнитивно ориентированным способом своего моделирования. Коммуникативные черты такого текста определяются не коммуникативными рамками и информационными задачами, а спецификой построения когнитивно обусловленного «идеаторного» пространства, обеспечивающего основную когнитивную трансформацию текстопорождения – трансформацию «Смысл» – «Текст» (Дридзе 1984). Эта базовая (для формирования порождения/восприятия текста) трансформация определяет реализацию главной информационной задачи коммуникации – задачи воспроизводства и производства интеллекта. Ее философско-лингвистический смысл может быть сформулирован как подвижный несимметричный мегасемиотический треугольник, сторонами которого являются СМЫСЛ – ТЕКСТ – ЛИЧНОСТЬ. При этом смысл должен быть понят как способность воспроизводства интеллектуальной (моделирующей и знаниевой) основы сознания в форме кода, текст – как (одновременно воспринимаемые) результат и причина интерпретационной деятельности интеллекта, а личность как интеллектуально обусловленный социальный феномен человека-в-культуре. Таким образом, в результате построения логической квазимодели восприятия/порождения текста мы получаем преобразованный мегасемиотический треугольник, демонстрирующий действующий преобразователь в структуре модели «Смысл» – «Текст»: КОД – ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ЧЕЛОВЕК-В-КУЛЬТУРЕ.

Накапливавшиеся в русской литературе XIX-XX веков модернизационные изменения проявились в ситуации постмодерна, когда корреляция элементов языкового сознания, когнитивных структур порождения/восприятия и текста стала очевидной (в т.ч. благодаря работам французских постструктуралистов). Понимание мира оказалось возможным только в языке и посредством языка, определяясь как результат текстовой деятельности, как следствие истории текстов (Шилков 2007:17). В лингвистическом аспекте целью современного текстопорождения стала не речевая (дискурсивная) «упаковка», а сам процесс (лингво-стилистически осмысленный и презентуемый способ) порождения модели «Смысл» – «Текст» путем выбора индивидуализированного набора (сочетания) когнитивных механизмов (метафоризации, концептуализации или типизации) в рамках определяемых автором когнитивных стратегий (информирования, когнитивной концептуализации и римейка).

Взаимодействие указанных когнитивных механизмов и стратегий создает сложное и изменчивое пространство современного литературного текста, соотносимое с

коммуникативным пространством культуры не только в плане общих для участников коммуникативного акта (автора, читателя, интерпретатора) референциальных цепочек, без которых разрушаются коды общения, но и в силу социальных функций естественного языка. Объективированный язык-код воспринимается в качестве мощного фактора социального проектирования в силу присвоения текстом (на данном языке) прав обоснования сущностных концептов (фактически – права на концептуализацию) (Лиотар 1998: 74).

Между тем в единении и асимметрии «смысло-текстовых» инкарнаций и реинкарнаций смысл «никогда не данный в онтологическом аспекте, но всегда обусловленный мета-физической потребностью людей» (Хюбнер 2000: 28), является наиболее теоретически непроясненным. Следует согласиться с Б. Хюбнером, что образование смысла, «фундирующего существо осознания времени и telos человеческой жизни», состоит в «требовании обрести нечто другое для освобождения от своего собственного экзистенциального бремени» (Хюбнер 2000: 29). Иными словами, смысл напрямую определен аксиологией, конституированной в перспективе метафизической потребности Я, стремящегося вырваться из «тавтологической темницы Я=Я» (там же). И напротив, отсутствие Другого и «тавтологическая темница Я=Я» становится аксиологическим основанием когнитивной непросветленности, «темноты», непосредственно определяя «немоту» «а-текстовость» неартикулированного маргинального сознания.

Амбивалентность представления сознания маргинала в литературном тексте очевидна. С одной стороны, литература, по определению, – искусство слова, предполагающее наличие вербальных репрезентаций даже в случае их «несказанности». С другой – маргинализм как тематическое поле современной, по крайней мере, русской литературы не может быть представлен в слове как таковом. Маргинализм как деструкция (= невозможность деконструкции), как отсутствие, несформированность когнитивных и аксиологических основ текстопорождения становится основанием ущербного, тавтологического в своей основе дискурса – с одной стороны, обуславливая невозможность понимания и интерпретации – с другой. Поскольку восприятие и понимание литературного текста, являясь вариантом интеллектуального самостроительства, определено созданием внутренних когнитивных условий процедуры самоанализа адресата, именно понимание позволяет избежать коммуникативного коллапса – распада сообщения ввиду отсутствия позиций основных участников коммуникативного акта, свойственного постмодерну (адресата и адресанта). По мысли М. Фуко, «фундаментальным принципом является то, что субъект как таковой, предоставленный самому себе, не способен к восприятию истины. Он сумеет ее постичь лишь в том случае, если произведет с собой целый ряд операций, трансформаций и модификаций, которые сделают его способным к восприятию истины» (Фуко 2008). В этих условиях важно обязательное формирование в составе позиций адресата и адресанта элементов позиции наблюдателя, позволяющей осуществить трансляцию смыслов, т.е. понимание и, в конечном итоге, передачу некоторой информации. Понимание текста, таким образом, связано не только с формированием и применением когнитивного багажа личностного опыта интерпретаций (пресуппозиций знания, по Ван Дейку), но и с планированием и осуществлением адресатом некоторого самостоятельного философско-культурологического исследования для формирования индивидуального варианта интерпретационного кода.

Это интеллектуальное движение есть практическое самостроительство человека-культуре как субъекта и объекта текстовой деятельности. При этом культурно-исторический, социокультурный и философско-культурологический аспекты когниции автора/читателя могут быть выстроены параллельно как единый континуальный многоаспектный знак.

Так, фрагмент стихотворения Бориса Херсонского обнаруживает культурологическую модель процесса маргинализации, демонстрирующую переход сознания на все более низкие уровни референциальности (от библейской «мудрости» до церковно-простонародной и повседневной, связанных самим ходом распада сознания):

*Не молись за Ирода. Богородица не велит.
Не клянись крестом, мяса не ешь постом,
Не стой под грузом, живи здесь и теперь.*

*Трехглавый Кербер припадает к земле, скулит,
Стелется, взвизгивает, виляет змеиным хвостом,
Подпрыгивает, в щеку лижет, значил, узнал, зверь!*

*(Борис Херсонский/Песенка без припева. ж.
Новый мир, №9, 2007)*

Следует обратить внимание не на нарративно-притчевые элементы, имеющие внешний (стилистический) характер, а на когнитивно-ориентированную логику философского дискурса, разворачивающегося в условиях *понимания*, т.е. применения набора исследовательских приемов. В первой части строфы должен быть применен прием сопоставления историко-культурных контекстов:

Не молись за Ирода. Богородица не велит – (1) библейский контекст, (2) пушкинский контекст, (3) музыкально-поэтический контекст (опера Мусоргского и знаменитое исполнение арии Юродивого Собиновым – Лемешевым – Козловским).

Не клянись крестом, мяса не ешь постом – (1) архаико-народный (фольклорный) контекст, (2) идеологический «народнический» контекст.

Не стой под грузом, живи здесь и теперь – (1) повседневно-бытовой контекст, (2) разговорно-метафорический контекст.

Трехглавый Кербер припадает к земле, скулит, стелется, взвизгивает, виляет змеиным хвостом, подпрыгивает, в щеку лижет, значил, узнал, зверь! – (1) мифологический контекст, (2) возрожденческий идеологический контекст (модель Данте), (3) библейский контекст – мифологема «зверь» как идея апокалиптического краха.

Эта воспроизведенная креативными структурами авторского сознания модель духовной маргинализации может быть зафиксирована в виде нисходящей цепочки аксиодоминант: уровень духовного подвига (подвижничества) – уровень «народного обычая» (социально-когнитивного стандарта) – уровень непрояснимой интеллектом повседневности – уровень духовного падения («сошествия во ад»).

Иную, гораздо более простую модель маргинальной соотнесенности текста демонстрирует фрагмент повести Георгия Давыдова «Крокодиловы слезы»:

(1) В крокодиловом портфельчике лежал пожелтевший квиточек, приглашавший на эту лекцию 10 мая 1921 года в казармы имени Л. Д. Троцкого, по адресу: Хамовнический плац, 13. Нельзя даже сказать, что тема была совсем чужда Дмитрию Андреевичу. Дед был знаком с инженером Щекотевым, разработавшим проект второй очереди московской канализации 1902 года. (2) Да и у самого Леонардо были рисунки не только махолетов, но и усовершенствованных стульчаков. Не исключено, что представься Леонардо такая возможность – выступить перед швейцарскими стрелками в каком-нибудь 1496 году с лекцией о пользе нового устройства стульчака, то он бы за нее ухватился.

(Георгий Давыдов. Крокодиловы слезы/ ж. Новый мир, №9, 2007)

Очевидно, что смысловая структура этого фрагмента основана на когнитивном приеме сравнения/сопоставления двух смысловых центров, обозначенных нами (1) и (2). «Образом – аккумулятором» для центра (1) является *дед - Дмитрий Андреевич*, а для центра (2) *сам Леонардо* (Леонардо да Винчи). Существует и логика построения центров, выполненная в рамках классической модели *тезис – аргумент – иллюстрация*, однако в измененном логическом ракурсе: *иллюстрация – тезис – аргумент* (1) и *аргумент – (виртуальный) тезис - иллюстрация* (2). Такая логическая контаминация и перефрагментация логической последовательности текста служит основному интенциональному посылу: парадоксальному понижению аксиологического и логического статуса смыслового центра *Леонардо* до смыслового центра *дед – Дмитрий Андреевич*. Этот парадоксальный логический параллелизм может быть восстановлен читателем до «обычного» (в случае постмодернистской прозы) когнитивного диссонанса как до лингвостилистического приема только в случае «расшифровки» логического ключа (*«выступить перед швейцарскими стрелками в каком-нибудь 1496 году с лекцией»*), который отменяет любое иное восприятие текста, манифестируя весь фрагмент как элемент логико-парадоксального (ироничного) контекста. Возможное восприятие логики фрагмента как приема и восприятие логики фрагмента как некоторого варианта «обыденной» или «повседневной» логики является «когнитивной западней» и, одновременно, интеллектуальным маркером уровня маргинальности воспринимающего сознания.

Современный русский литературный текст демонстрирует не только этническую или социальную картину языкового сознания, его ассоциативность или психолгвистическую и социокультурную реактивность, он выстраивается на тех аксиологических константах, которые, посредством социокультурной (в основе своей – текстовой) трансляции, позволяют выстроить целостную картину мира. Между тем в современном обществе речь может идти и о формировании виртуальной социально-антропологической среды, в которой нормой является *навязывание низких языковых стандартов* и главным когнитивным признаком которой является по существу некреативность. Это свойство, неприменимое к такому надэтническому и наднациональному сообществу индивидуумов, производящих и/или воспроизводящих тексты культуры, как сообщество русской культуры, является одним из существенных признаков маргинального сознания, моделируемого автором

для создания различных когнитивных художественных эффектов: делогизации, парадоксации, социальной и аксиологической дезадаптации. Здесь речь может идти только о вторичных процессах выстраивания семиотических симулякров – перехода языкового сознания автора/читателя от логических фигур импликации, каузации и сопоставления/сравнения к фигурам тождества и имитации.

Говоря о репрезентации маргинализма в современном литературном тексте, следует отметить не только возможность выделения «маргинального текста», но и представление его в различных формах маргинального дискурса. Нонкреативность маргинального языкового сознания, сопровождаемая фрагментарным (несистемным) набором пресуппозиций знания как способа простой реакции на раздражители, что означает на практике невозможность «прочтения» маргинальным сознанием современного литературного текста (включая «маргинальный текст») и уж тем более – невозможность его интерпретации и диверсификации. На наш взгляд, можно выделить следующие виды репрезентации маргинального дискурса, широко представленные в современной русской литературе (преимущественно в прозе, в меньшей мере – в поэзии).

С одной стороны, маргинальный дискурс может характеризовать героя-маргинала, или представлять некое коллективное, неиндивидуализированное и непросветленное сознание массы, притом, что автор, не маргинальный по своей сущности, обладающий развитой аксиологией и когнитивными стратегиями текстопорождения, представляет своего героя, изображая маргинальность как некий объект интеллектуального анализа, иногда – эксперимента, реже – концептуализации. С другой – маргинальный дискурс может стать характеристикой собственно автора, в той или иной мере обладающего признаками маргинальной личности – или позиционирующего себя в качестве маргинала.

Однако, возможен и третий тип маргинального дискурса, когда маргинальность представлена с позиций также маргинального сознания. В таком случае автор, в той или иной мере характеризующийся признаками маргинализма, моделирует сознание маргинального героя, выходя (или не выходя) тем самым за пределы собственной аксиологической и когнитивной уязвимости. К этому типу репрезентаций маргинальности следует отнести существенную часть явлений массовой культуры: коммерческих литературных («женского» романа, «иронического детектива», любовного романа и т.д.) или телевизионных проектов (например, «Дом-2», «Смехопанорама», «Аншлаг» и т.д.). Однако такая форма репрезентации вполне может являться не чем иным, как интеллектуальной игрой, стилистика которой обусловлена не только ориентацией на книгоиздательский рынок, но и постмодернистской пародией.

Между тем в реальном корпусе текстов, объединенных общим свойством – дискурсивной репрезентации культурного маргинализма, указанная типология не может быть обнаружена в своем абсолютном, препарированном, чистом выражении, что тем более очевидно при обращении к жанровым модификациям и трансформациям романного дискурса, диалогичного и многоголосого по своей природе. Сложный конгломерат авторского и «чужого» слова, чем, собственно, и конституирована, по М. Бахтину, поэтика романного слова, не позволяет с достаточной степенью точности дифференцировать авторское сознание и сознание повествователя, сознание повествователя – и персонажа.

Примером тому может служить ряд фрагментов из нового романа В. Маканина «Асан» («Знамя», 2008, №8-9). Тема романа – чеченская война, обращение к

которой не только вполне традиционно для русской литературы, но и обусловлено в числе прочего и универсальной, на наш взгляд, для современной российской культуры экзистенциальной проблематикой. Война (и армия как инструмент любой войны), как, впрочем, тюрьма или больница, представляя экзистенциальный локус человеческого бытия, как бы обнажает сознание человека в его подлинности, экзистенциальной «непотаенности», обнажая тем самым когнитивные и аксиологические основания человеческого сознания и культуры в целом. Отметим попутно, что сама фамилия главного героя – Жилин, отсылая нас к известной повести Л.Н. Толстого, указывает на вечность, вневременность художественного пространства-времени романа.

Начиная свое повествование с приезда новобранцев, В. Маканин с первых страниц погружает читателя в экзистенциальное переживание маргинальным сознанием пограничной ситуации жизни/смерти (маргинальным вдвойне, поскольку речь идет о пьяных солдатах, которые прибывают на фронт без сопровождающего их офицера).

Встречающего офицера на пыльном перроне тоже нет. Но, если подумать, он бы нам только мешал! На фиг... Нет его... Зато есть какой-то бздилловатый распорядитель с воспаленными глазами. И с красной повязкой на руке. Этот, как водится, торопит, торопит прибывшую солдатню – пора, пора!.. Гонит с перрона... Ему бы поскорее избавиться от пьяноватых юнцов с автоматами. От этой гульной необстрелянной орды. И от войны вообще, мать ее перемать!

Красную повязку только это и волнует. Скорее, мать вашу!.. Вон с путей!.. Ага!.. Через бомбленный вокзал на площадь, тоже слегка бомбленую.. Вот там пришли БТРы – это для вас, пацаны! Для вас!.. Вперед!

(...)

Новобранцев по приезде раздражает всякое имя, произносимое с уважением... И они вопят:

– Блин!.. Пацаны! Обосраться можно...

(В. Маканин. Асан / Знамя, 2008, № 8. С. 13-14)

Маргинальная личность не просто не предполагает существования Другого – само его наличие становится проблематичным, и это отрицает не только возможность коммуникации, но и собственно человеческую свободу, коль скоро свобода предполагает возможность выбора, в том числе и когнитивного. Показательным, например, является один из начальных эпизодов романа, где новобранцы при встрече с чеченскими боевиками показывают им голые зады.

Отсутствие свободы сознательного выбора (в том числе выбора на уровне экзистенциальных ценностей) становится основанием немотивированных реакций, что, в свою очередь, делает сознание маргинала предметом возможных манипуляций.

– Да-ешь вой-ну!.. – орет солдат. Весь в опилках... Кое-как поднявшийся в тряске кузова грузовика.

Устроил бы и мир с чеченцами. Долгий-долгий мир... Чечены тоже люди. А солдаты могли бы половить здесь рыбку. В горных речках, говорят, отличная рыбешка, хотя и мелкая.

*Однако все-таки общее и дружное солдатское мнение – на войну!
Мать вашу! Почему так медленно едем?! Начхать! Дайте нам дорогу!..
Бензин?.. Горючка для майора Жилина... Кто такой этот гондон Жилин?
И уже сколько про него базара!.. Нахер его!*

*Три его грузовика с бочками?.. Вот и пусть их чечены спалят!..
Начхать... У-уууу! Как огонь запольхает!..*

Они уже отъехали около ста километров. Им начхать.

*Зато майору Жилину не начхать на грузовики с горючкой. Майор
Жилин – это я.*

(В. Маканин. Асан / Знамя, 2008, № 8. С. 17)

В последнем случае очевидна социокультурная «портретность» маргинального дискурса – «чужое слово», по М.М. Бахтину, здесь является маркером амбивалентной непросветленности сознания персонажей – пьяной солдатской массы, прибывшей в Чечню – на войну. Отсюда не только дейктический характер высказывания, но и рекурсивный возврат к прото-символическим формам сознания: огонь, являясь одним из архаических символов, становится репрезентатом некоторого аффективного, логически непроясненного состояния. Поэтому «чужое» слово не просто «портретируется» В. Маканиным – оно сплавлено со словом рассказчика в единое, также амбивалентное целое, и динамика фразы строится не только на выразительной органике солдатской массы, переживающей экзистенциальное состояние войны как пограничной ситуации жизни/смерти. Она строится на дихотомии «я-» и «мы-» сознания. Фраза завершается катарсическим просветлением – утверждением «я» как носителя индивидуальной шкалы ценностей (гуманистических, заметим, в своей основе, как всегда у В. Маканина).

Между тем Маканин прибегает и к прямой авторской концептуализации маргинализма, стремясь определить его психологические и культурно-антропологические основания, создавая полу-гротескные – полу-фантастические образы (коррелирующие, кстати, с кинематографическими аналогами – например, с фильмами катастроф) – но не касаясь его социальных, социокультурных и, тем более, социально-политических оснований. Характеристика чеченских боевиков в начале боевых действий дана как характеристика подсознания, гротескно заостряющая до-сознательное как сущностную основу маргинальности в целом.

*Воинственный националист – мужчина, как правило, мелкий, ущербный,
иногда уродливый и всегда рвущийся к оружию... Таково подсознание... (...)
Крикливое и уродливое воинство лезло в склады, бросалось из пакагуза в
пакагуз. Палили из автоматов, правда, пока что в небо. Со злости.*

(В. Маканин. Асан. Знамя, 2008, № 8)

Интерпретационная основа, определяемая для литературного текста как воссозданная в ходе понимания языковая картина мира (в т.ч. – моделируемая – маргинальная), содержит следующие элементы, описанные одновременно в виде информационно-когнитивных координат (позиций) и как особых континуальных знаков (содержание позиций), что раскрывает двойственную (эпистемологическую и контекстно-ситуативную) природу текста. Эти позиции (знаки) включают:

- 1) Информационную составляющую;
- 2) Аксиологическую составляющую;
- 3) Историко-культурную составляющую (например, социальные мифологемы – элементы «повседневного» знания);
- 4) Стилистико-когнитивную составляющую (элементы смысла).

Все эти позиции выявляются только в процессе интерпретации текста только в качестве элементов диалога Один-Другой в сознании читателя-интерпретатора или при помощи включения в процесс осмысления позиции Наблюдателя (эксперта, комментатора) – и, напротив, выделение их невозможно в случае деструктивных процессов в аксиосфере индивида (отсутствие Другого, нерелевантность национально-культурных аксиологических констант и моделей).

Рассмотрим фрагмент текста:

«На Арбат я попал в 1989 году, в четырнадцать лет, с протекции моего соседа Димона, учившегося со мной в одной школе и бывшего на пару лет меня старше. Это было золотым временем Арбата. Менты стали гораздо более сговорчивыми, и им пока хватало двадцатки, а в случае возникновения непреодолимых противоречий – полтишки грина для закрытия разных спорных вопросов»

(Сергей Минаев/Литпром.ru)

Информационная составляющая манифестируется логико-лингвистическими средствами «простого» линейного нарратива, выраженными в цепочке слов-понятий – логем (сочетаний понятий – сложных логем) *попал в 1989 году, учившегося в одной школе, это было золотым временем Арбат, менты стали более сговорчивыми*. Этот набор логем очерчивает логико-смысловые пределы нарратива, постулируя «предельные» логические значения, принятые (автором) для данного текста и имитируя «простые», однозначные когнитивные модели героя повествования.

Аксиологическая составляющая манифестируется оценочными элементами, вносящими в повествование повседневные моральные стереотипы в виде понятий – аксиологем: *я попал, с протекции моего соседа Димона, менты, им пока хватало двадцатки, полтишки грина, закрытие разных спорных вопросов*.

Историко-культурная составляющая манифестируется цепочкой «оречевленных» культурных реалий, осуществляющих историко-культурное «встраивание» фрагмента: *на Арбат, было золотым временем, были более сговорчивыми, непреодолимые противоречия, спорные вопросы*.

Стилистико-когнитивная составляющая представляет социокультурные признаки (а) эпохи, (б) авторского видения (интерпретации) эпохи (историко-культурная призма сознания), (в) обозначения эпохи в тексте. Такая «информационная приблизительность» текста в ее соотношении со стилем порождения/восприятия создает «вкус эпохи»: *«я попал в четырнадцать лет, с протекции моего соседа Димона, на пару лет старше, им пока хватало двадцатки, в случае возникновения непреодолимых противоречий»*. Иными словами, стилистико-когнитивная составляющая это своего рода иллюстрация, характеризующаяся отсутствием аксиологических и смысловых координат, приматом случайности и эмоциональности над закономерностью и логичностью.

При этом и примитивно развивающийся нарратив, и заниженная оценочная (аксиологическая) планка, и логико-когнитивные модели «обратного мира», и стандарты культурной эпохи, и «приблизительность» когнитивной платформы, формирующие социокультурные контуры маргинальной прозы, создаются иногда одними и теми же словами-понятиями – тесно связанными с языковым сознанием автора/читателя, с его «оречевленными» физиологическими, визуальными, лингвальными, акустическими образами и ассоциациями. В этом смысле можно говорить о построении в тексте (или в ряде текстов) культурно-антропологической модели маргинала как социокультурного феномена, правда, в той степени, в которой модель модели может соответствовать оригиналу.

Искусственно построенное и условно интерпретируемое пространство современного маргинального текста, подвергающееся интерпретации в ходе его восприятия, можно рассматривать как действующую модель *реактора актуальных смыслов*, возникающих на пересечении интеллектуальных действий автора и читателя по мысленному «переустройству» мира некреативности, логического и аксиологического изврата. Подобная действующая модель реактора актуальных смыслов является (в лингвопсихологической трактовке текстовой деятельности Т.М. Дридзе), действующей моделью «идеаторного поля» языкового сознания, выстраивающего систему «оречевленных» смыслов в соответствии с системой интериоризированных социально-культурных приоритетов (Дридзе 1984). В свою очередь, указанная система приоритетов может быть только аксиологически ориентированной и потому налагающей большие ограничения на ментальное бытие воспринятого сознанием текста. Таким образом, мы вновь обнаруживаем действующий герменевтический круг, связывающий языковую картину мира, текст, «идеаторное поле» сознания и систему личностных аксиологически ориентированных смыслов и приоритетов (аксиодоминант).

В постепенно складывающемся «маргинальном тексте» русской литературы следует отметить черту, характеризующую его именно в качестве русского, то есть фундированного всем предшествующим развитием русского культурного сознания и самосознания. Это прочный сплав темы маргинализма с экзистенциальным опытом как смысловой и ценностной основой русского текста (Фадеева 2008). С этой точки зрения обращение к пограничным ситуациям в жизни героев (войны, смерти, армии) представляется отнюдь не случайным. Поэтому в центре повествования В. Маканина – сознание человека на войне, представленной как некоторое экзистенциально переживаемое «тело». Сознание не может и не стремится выйти за границы этого переживания, но в самих этих границах все более и более нарастает то, что П.А. Флоренский назвал «сочувственным разделением опыта»: жалость к униженному и оскорбленному, потерявшему человеческое достоинство и почти бессознательно живущему – маргинальному – человеку.

Существенный пласт культурно-антропологического «проекта контркультуры» составляет постсоветское общество, рассмотренное в разрезе кризисных, пограничных – маргинальных проявлений человеческого сознания. Подчеркнем, что это, конечно, сознание массовое, но отнюдь не всегда связанное с постиндустриальным обществом или обществом потребления – это сознание постсоветского человека, оказавшегося в состоянии аксиологической, когнитивной, коммуникативной переходности, легко приводящей к тотальной деструкции социальных связей и разрушения человеческой личности как таковой.

Носитель маргинальности – массовое сознание, то есть сознание духовно несвободного индивида, не просто утратившего Другого, но сформированное в ситуации его отсутствия. При этом утрата Другого не только становится основанием распада мира этического, но и оборачивается утратой собственно Я, лишённого возможности быть «эстетически завершенным», по Бахтину, в сознании другого человека. Герой, обнаруживающий собственное отсутствие на фотографиях, тщетно («истерично») пытается усилием воли «собрать свое отражение из осколков того, что когда-то видел, слышал о себе (...) Истерика. Никаких свидетельств моего пребывания» (Блеск / Litprom.ru). Исчезновение Я ввиду утраты Другого (заметим, Я, прошедшего через искусства «эстетического», по Б. Хюбнеру, существования – в данном случае – симулякры потребительского общества) представлено в рассказе посредством реализации метафоры, деметафоризации, включающей при этом в себя очевидную реминисценцию:

– (...) Я не знаю никакого Михаила!
– Это же я! – Интересно, телефонные кабели могут передавать слезы, которыми сейчас набит мой рот?
– Я вешаю трубку, – спокойно, как могильщик, говорит она. – Я вас не знаю, не знаю никаких Михайлов...

Я ей верю.

Короткие гудки – все, что осталось от меня.

А был ли я?

(Блеск / Litprom.ru)

Экзистенциальная ситуация оставленности, «вброшенности», по выражению М. Хайдеггера, в мир, провоцируя маргинальность как своего рода «вызов» и ответ индивидуального Я, с одной стороны, становится основанием только маргинального дискурса (персонажа или позиционирующего себя в рамках маргинальности автора), с другой – порождает обширное пространство экзистенциальной прозы и поэзии. Отдельная экзистенциальная тема, на наш взгляд, постепенно проступающая в обширном массиве современных текстов, – тема утраты/обретения Другого, соединенная часто с экзистенциальным переживанием уходящей или ушедшей жизни:

*Образ размыт, но остается голос
в телефонной трубке, потом – в памяти, а потом
где-то там, возле совести, заполняя полость
в запустевающем мире, вернее – почти пустом.*

*Ты опять поступил не так. Успокойся, все будет в порядке.
Сколько раз тебе говорить. А ну, повтори мне то,
что я сейчас сказала. Не слушал. На брюках складки.
Двойные. Кто их разгладит? Знаю сама, что никто.*

*Утюгом допотопным, через мокрую тряпку, сильнее,
прижал – отпустил. Шипение. Поднимается пар.
Сколько раз повторять! Впрочем, тебе виднее.
Вымахал, сгорбился, состарился и пропал.*

(Б. Херсонский. Песенка без припева / Новый мир, 2008, № 8)

БИБЛИОГРАФИЯ

- ДРИДЗЕ, Т.М. (1984): *Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации*. Москва.
- ЛИОТАР, Ж.Ф. (1998): *Состояние постмодерна*. Алетейя. Санкт-Петербург.
- СУЛИМОВ, В.А. (2006): «Проблема текстовой когниции: методология исследования». *Вестник Международной Академии Наук (Русская Секция)*, 2, С.78-86.
- ФАДЕЕВА, И.Е. (2008): «Русская экзистенциальная проза (опыт тематизации)». *Respectus Philologicus*, 13 (18) A, С. 51-60.
- ФУКО, М. Герменевтика субъекта // Электронная библиотека по философии: <http://filosof.historic.ru>
- ХЮБНЕР, Б. (2000): *Произвольный этос и принудительность эстетики*. Прописи. Минск.
- ШИЛКОВ, Ю.М. О рациональности постмодернистского дискурса//Интернетресурс www.inolex.ru